СМЕНА

СМЕНА

№8 АВГУСТ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2015

НЕУЖЕЛИ РАЗВОД...

№8 август 2015

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

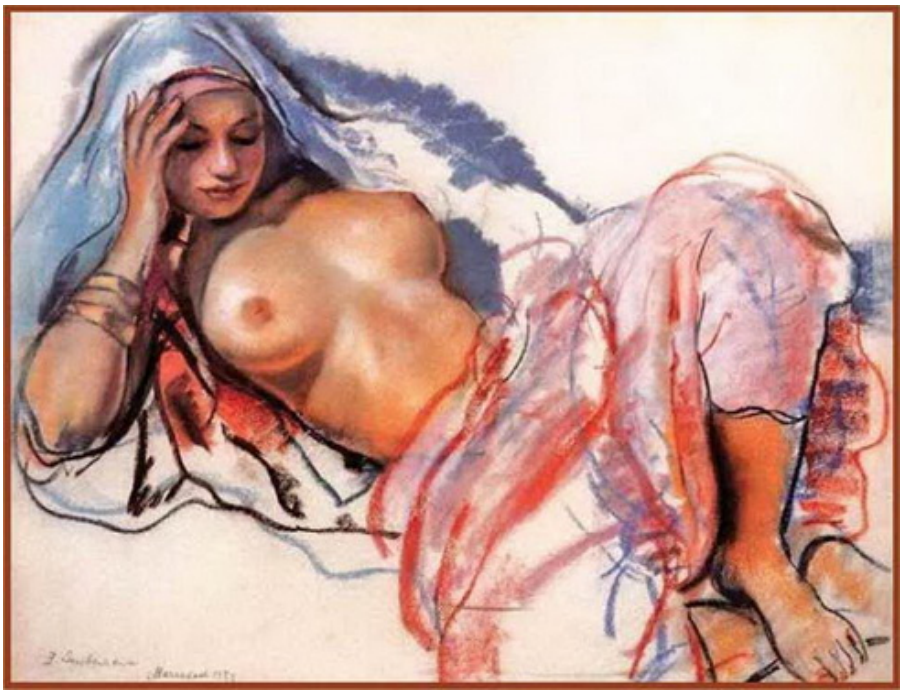
Марокканский цикл — одна из самых ярких страниц в творчестве замечательной русской художницы Зинаиды Серебряковой. Буйство красок, радость бытия, пряные запахи, растворенные в жарком африканском воздухе. И героини этой восточной сказки — прекрасные, полные неги и покоя «ню»…

- Ирина Опимах
  - Марокканские красавицы Зинаиды Серебряковой

Ирина Опимах

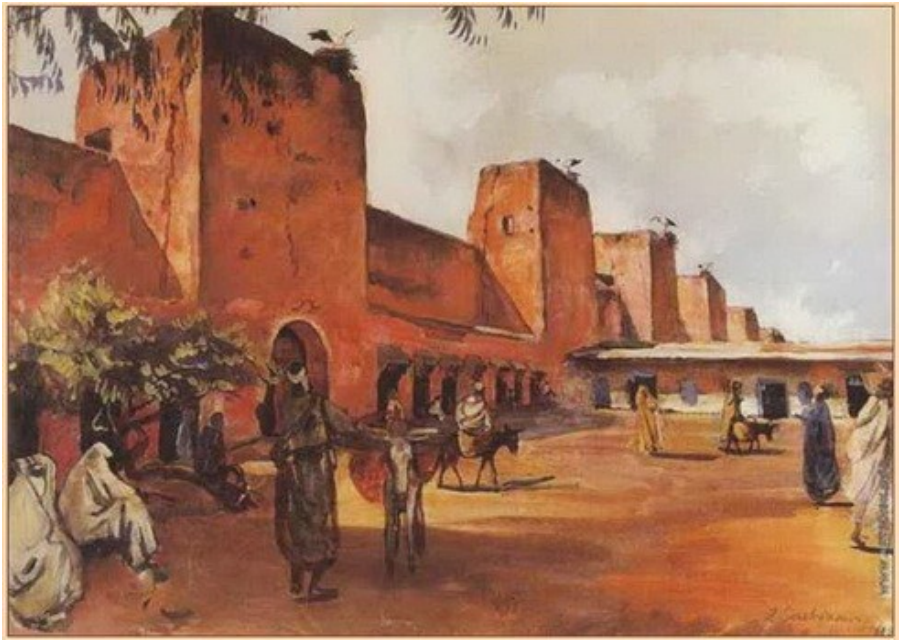
28 ноября 1884 родилась Зинаида Евгеньевна Серебрякова.

Марокканские красавицы Зинаиды Серебряковой



1928 год начался как всегда — трудно, в уже ставших привычными поисках денег, заказов. Зинаида Серебрякова жила в Париже уже 4 года — она отправилась во Францию, получив большой заказ. «Мне было двенадцать лет, когда моя мать уезжала в Париж, — вспоминала Татьяна Серебрякова. — Пароход, шедший в Штетин, стоял на причале у моста лейтенанта Шмидта. Мама была уже на борту. Я чуть не упала в воду, меня подхватили знакомые. Мама считала, что уезжает на время, но отчаяние мое было безгранично, я будто чувствовала, что надолго. На десятилетия расстаюсь с матерью».

Зинаида действительно собиралась вернуться в Россию, где остались ее четверо детей и мать, но… Все сложилось иначе. (Сашу и Катю позже — в 1925 и 1928 году соответственно — удалось переправить к ней в Париж, но мать с Женей и Таней жили в России. Это страшно мучило и угнетало художницу.) Уютный мир ее детства — усадьбы Лансере и Бенуа, где царил покой, где все занимались живописью, музыкой, ее обожаемый муж, покинувший ее так рано (Борис Серебряков умер в 1919 от тифа), ее такая радостная, заполненная искусством юность рядом с ее знаменитыми родствен никами, столь много сделавшими для русской культуры, — все это осталось в прошлом, в воспоминаниях. А теперь ей уже 44 года, рядом с ней — двое ее детей, в России — двое других детей, по которым она страшно тосковала, и ее мать, которой уже не хватало ни здоровья, ни просто жизненных сил растить внуков и сопротивляться ударам судьбы. Все те небольшие деньги, которые Зинаиде удавалось зарабатывать, она делила на две части — оставляла себе на необходимые расходы, а оставшееся отправляла в Россию. А работу найти было ох как нелегко — у нее ведь даже не было французского гражданства, и ни на какие официальные заказы она не могла претендовать.



Стены и башни Марракеш. Марокко

Но иногда отцы более успешных эмигрантских семейств заказывали ей портреты своих жен и дочерей, и тогда в доме появлялись деньги. Правда, так было не всегда. «*Непрактичная, делает много портретов даром за обещание рекламировать, но все, получая чудные вещи, ее забывают, и палец о палец не ударяют*», — писал о ней Константин Сомов. Случалось и так, что ее модели оказывались вполне свободных нравов и соглашались позировать нагими. Художнице очень удавались эти женственные, светящиеся «ню».

Отдыхающая негритянка. Марракеш

Какие-о ее работы попадали на выставки. Несколько полотен были выставлены на большой международной вы-ставке в Брюсселе, открывшейся в мае 1928 года и приуроченной к открытию нового Дворца искусств. Русский отдел представляли полотна старых мастеров — Д. Левицкого, К. Брюллова, А. Иванова, а также современных живописцев, «мирискусников». «Русские не только понравились, но, по общему мнению, намного „лучше всех“», — писал С. Маковский. Высоко оценили и картины Серебряковой. Три или четыре ее работы были проданы, что, считал Сомов, «очень поможет в ее почти хроническом безденежном положении».

Во время выставки Зинаида познакомилась с богатым и очень любящим искусство бельгийцем, преуспевающим промышленником, да к тому же еще и бароном Броуэром. Он пришел в восторг от ее двух «Обнаженных» и тут же заказал ей портреты своей жены и дочери. Летом она отправилась во Фландрию, жила в его уютном доме в очаровательном, средневековом Брюгге и писала портреты домочадцев барона.

Броуэру картины понравились, но особенно ему нравились ее ню, и он решил сделать художнице подарок — месячное путешествие в Марокко, находившееся тогда под протекторатом Франции: проживание в отеле, транспорт, переводчика. и деньги

на ежедневные расходы. Ну а взамен он получит работы, которые она напишет в Марокко — не все, а те, что ему особенно придутся по душе.

Этюд женщины

Ну что ж, подумала Серебрякова, у нее наверняка останется еще что-то, картины можно будет выставить в Париже и неплохо заработать на модной в те годы восточной теме, и художница согласилась.

Так в декабре 1928 года она оказалась в Марракеше. Выяснилось, что барон — владелец огромных плантаций и роскошного дворца, окруженного живописным садом. Фонтаны, колокольчики, горы вдали, услужливые слуг, ставящие на стол восточные яства, пышные цветы. Одним словом, она оказалась героиней восточной сказки! И можно было не думать о деньгах… В Марракеше время словно застыло, остановилось. Зинаида часами бродила по центру города, по старинным улочкам, в руках у нее были карандаши и альбом, и она рисовала выразительные лица уличных музыкантов, толкователей Корана, гадалок, а еще — сценки на базаре, верблюдов, дома, за стенами которых шла совсем иная, непостижимая для нее жизнь. В конце декабря 1928 года Серебрякова писала из Марракеша Е. Е. Лансере в Москву: *«В этой чудесной стране такая радость для глаз! Меня поразило все здесь до крайности — и костюмы самых разнообразных цветов, и все расы человеческие, перемешанные здесь, — негры, арабы,*

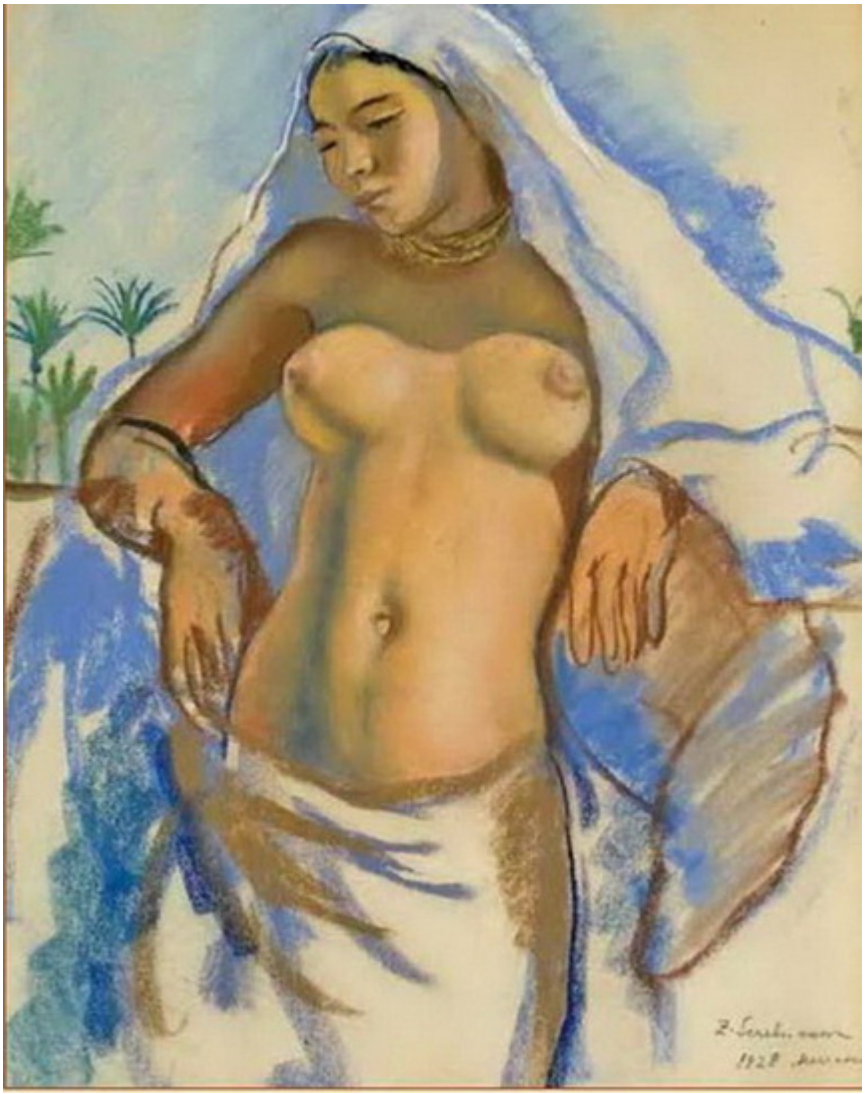
монголы, евреи (совсем библейские) и т. д. Жизнь в Марракеше тоже фантастическая — все делается кустарным образом, как, должно быть, было и 1000 лет назад. Я вот уже две недели как здесь, но так одурела от новизны впечатлений, что ничего не могу сообразить, что и как рисовать…Взяла себе вчера проводника, араба, говорящего по-французски, 10 франков в день, чтобы ходить со мной по городу, т. к. одной никак нельзя: запутаешься в лабиринтах уличек и еще попадешь в запретные для европейцев места. Дорога от Касабланки до Марракеша совсем гладкая и напомнила мне даже нашу Курскую губернию, но, подъезжая к Марракешу, вдруг начинается Африка — красная земля и пальмы, а вдали снежная цепь Атласа, но очень далеко, так что почти всегда закрыта облаками. Марракеш же весь розовый и совершенно ровный, без гор и холмов… Я думаю пробыть здесь еще три недели, а потом домой, т. к. каждый день стоит мне больше 100 франков (отель 75 франков в день), а очень хотелось бы пожить здесь подольше. Так много хотелось бы сделать, но ничего до сих пор не нарисовала, и каждый день ложусь в отчаянии и решаю уехать, а утром опять не нагляжусь на эту удивительную картину жизни».

И она пыталась все это запечатлеть на бумаге, весь этот шумный, пряный мир восточной сказки, в которую она попала благодаря барону Броуэру. Только вот писать портреты не получалось, Коран запрещал изображать человека. *«Как только сядешь (в углу улицы, всегда, впрочем, смрадном) рисовать, так женщины уходят; арабы же не желают, чтобы их рисовали, и закрывают свои лавочки и требуют на чай — 20 или 10 франков за час!!! Вообще… каждый шаг здесь стоит ужасно дорого (это американцы противные напортили своими долларами)».*

Женщина, открывающая чадру

Две марокканки

Иногда с помощью переводчика все-таки удавалось уговорить какого-нибудь марокканца (юного или не очень) попозировать — посидеть хоть полчасика неподвижно, но это бывало так редко, да и за немалые деньги! Приходилось работать быстро, лаконично, схватывая основное, и уже потом дома заканчивать работу. Но вот с местными дамами было совсем сложно. Закутанные с ног до головы в черные одежды, они были недоступны, и Зинаида могла видеть только глаза красавиц. Как-то ей пришла мысль пойти в хаммам, в женское отделение. Но и там ничего не получилось— во-первых, мешал пар, а во-вторых, марокканки совсем не были настроены позировать какой-то сомнительной иностранке, непонятно как попавшей в их закрытый от посторонних глаз мир. «Вообще же я рискнула этой поездкой, так как деньги на нее дал мне взаймы тот господин Броуэр, у которого я рисовала в Брюгге летом портреты. Он хотел, чтобы я сделала „ню“ с туземок прекрасных, но об этой фантазии и говорить не приходится — никто даже в покрывалах, когда видна только щелка глаз, не хочет позировать, а не то, что заикнуться о „ню“».



Девушка с востока

Она была просто в отчаянии. Ее уже ничего здесь не радовало — казалось слишком жарко, раздражала чужая речь, а яркие краски казались назойливыми. Изобразить выдуманную красавицу, без модели? Она бы с радостью, но у нее не получалось, не умела она работать без живой натуры. Выходило мертво, неинтересно. Но ведь вернуть деньги за марокканское путешествие барону она не сможет ни при каких условиях — у нее просто нет такой суммы! Что же делать? И Зинаида Васильевна решила экономить — не выходить в город, питаться по-минимуму и отказаться от услуг переводчика. Так хоть она немного денег сэкономит своему барону. И вечером Серебрякова

объявила переводчику, сыну местного учителя, чтобы завтра и в оставшиеся дни до ее отъезда он не приходил. Юноша был удивлен. Чем заслужил он такое отношение? Что-то не так? Ведь они с мадам подружились, она даже нарисовала его портрет, который очень понравился его родителям. Да и вообще — мадам была к нему так добра: вела себя с ним, как с равным, равным ей, белой госпоже! Прежде он с таким отношением не встречался — все его наниматели-белые всегда давали ему понять, что он — всего лишь жалкий араб. Что же случилось?

Сидящая марокканка

И тогда Зинаида Васильевна рассказала о том, что ее мучило

все эти дни. Вряд ли этот милый молодой человек сможет ей помочь, думала тогда художница, и, скорее всего, завтра она его уже не увидит. Однако на следующий день ее юный друг пришел, причем не один, а в сопровождении трех юных дев. *«Это две мои сестры и моя невеста,* — сказал он. — *Они готовы вам позировать — но только один день».* Как ему удалось уговорить девушек раздеться перед художницей, нарушить строгие правила мусульманской жизни? Что он им посулил? Это осталось его тайной… А Зинаида Васильевна — она была счастлива, как никогда! В тот день родились ее марокканские красавицы.

Итак, художница выполнила просьбу барона — привезла ему из Марокко удивительные, какие-то чистые, напоенные восточной негой и солнцем «ню». «Апатичные гетеры» — так назвал их Александр Бенуа. Но это, скорее всего, не апатия, а расслабленность, полная раскованность и растворенность в свете и тепле Востока. Наверное, барон был доволен, получив марокканских дев, поскольку помог художнице еще раз побывать в Марокко — в 1932 году.

Рынок с верблюдами. Марракеш

Серебрякова показала свои марокканские картины в двух галереях: в конце февраля — начале марта 1929 года в «малюсенькой комнате» галереи Бернхейма-младшего и в декабре 1932 года в галерее Шарпантье. Успех был потрясающий. Так, Александр Бенуа писал: *«Пленительна серия марокканских*

этюдов, и просто изумляешься, как в этих беглых набросках (производящих впечатление полной законченности) художница могла так точно и убедительно передать самую душу Востока. Одинаково убедительны как всевозможные типы, так и виды, в которых, правда, нет того палящего солнца, которое является как бы чем-то обязательным во всех ориенталистских пейзажах, но в которых зато чувствуется веяние степного простора и суровой мощи Атласа. А сколько правды и своеобразной прелести в этих розовых улицах, в этих огромных базарах, в этих пестрых гетто, в толпах торгового люда, в группах зевак и апатичных гетер. Все это в целом документально, убедительно и в то же время попросту прекрасно. Люди такие живые, что кажется, точно входишь с ними в непосредственный контакт, точно знакомишься с ними».

Работы Серебряковой заметили и французские критики. Авторитетный искусствовед Камилл Моклер в статье, появившейся в популярнейшей газете «Фигаро», назвал Серебрякову «одной из самых замечательных художниц». Он писал: «Она воспроизводит местный колорит Феса и Марракеша с подлинной достоверностью, просто и деликатно, сохраняя при этом всю силу обаяния изображаемого, что могут полностью оценить те, кто долго испытывал на себе воздействие этих неповторимых мест. В ее Востоке нет ничего общего с крикливыми рыночными куклами, которые Анри Матисс называет одалисками. У госпожи Серебряковой живописный темперамент подкреплен глубоким и упорным изучением натуры. Никогда еще современное Марокко не было увидено и воспето лучше».

Впереди у Зинаиды Васильевны была еще долгая жизнь, много трудностей, болезней, война. Но, как бы ей не было плохо, одиноко, тоскливо, она всегда работала, и работа помогала преодолевать житейские невзгоды. В 1964 году она увидела свою дочь Татьяну, которая приехала к ней в Париж. Это было огромное счастье! «Мама осталась верна себе не только в убеждениях и в искусстве, но и во внешнем облике. Та же челка, тот же черный бантик сзади, и кофта с юбкой, и синий халат и руки, от которых шел какой-то с детства знакомый запах масляных красок», — писала дочь. Стараниями Татьяны в Москве в 1965 году состоялась выставка Серебряковой, прошедшая с огромным успехом и побывавшая в Киеве и Ленинграде.

В 1966 году художница встретилась, наконец, и со своим старшим сыном Евгением — спустя более 40 лет после ее эмиграции из России! Через год он приехал в Париж снова, вместе с Татьяной. Зинаида Васильевна тогда еще нашла в себе силы написать их портреты…

Замечательная русская художница Зинаида Серебрякова скончалась 19 сентября 1967 года, и похоронили ее рядом с другими выдающимися русскими «французами» — на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

А Марокканский цикл стал одним из самых ярких в ее творчестве. Не так давно, в 2014 году, в Третьяковской галерее состоялась большая выставка художницы (на которой, кстати, были показаны и работы ее детей, Александра и Екатерины, ставших художниками). Достойное место в экспозиции заняли картины, сделанные в Марокко. И от них шел солнечный свет и тепло, аромат восточных пряностей, слышались звуки муэдзина… На этих картинах жили герои восточной сказки, что была придумана для Серебряковой бельгийским бароном. И еще там были те красавицы, которым она с помощью скромного юноши-переводчика подарила вечную жизнь в искусстве.